

Северус Снейп сидел в полной тишине своего дома в Тупике Прядильщиков. Сюда он возвращался неохотно и редко — разве что на летних каникулах, да и то не всегда. Для него эти стены давно перестали быть домом; это была лишь унылая, заброшенная коробка, хранившая горькие детские воспоминания, которые ему меньше всего хотелось ворошить. Единственная польза от этого пыльного жилища заключалась в возможности спокойно варить редкие зелья летом, подальше от посторонних глаз.

Снейп перевел взгляд на диван, трансфигурированный в узкую постель. На ней, мертвенно-бледный, лежал юноша с длинными платиновыми волосами.

"Зачем я только притащил его сюда?" — Северус нахмурился, не в силах объяснить собственный поступок.

То, что за спиной Квиррелла стоит Тот-Кого-Нельзя-Называть, не было секретом ни для самого Снейпа, ни для Дамблдора — они поняли это еще тогда, когда Квиррелл заикнулся о должности профессора Защиты от Темных искусств. Северус всеми силами пытался убедить директора отказать Квирреллу. И дело было вовсе не в его собственном, куда более глубоком понимании Защиты от Темных искусств, а в смертоносной угрозе, которую таил в себе этот ничтожный на вид трус — пусть даже его кукловод был сейчас слаб как никогда. Снейп даже подумывал прикончить его на месте, но Дамблдор охладил его пыл, напомнив: Тёмный Лорд сейчас развоплощен, он лишь бестелесный дух, а значит, неуязвим для обычного оружия.

Безусловно, у старика имелся план. Иначе как бы столь ничтожное, лишенное сторонников и былой мощи существо прознало о философском камне? Дамблдор сам позволил слухам просочиться во внешний мир, сочтя это отличной наживкой для Квиррелла.

В первый же день учебного года Снейп увидел Гарри Поттера — мальчишку, который когда-то одолел Темного Лорда ценой жизни собственной матери. Ценой жизни Лили. И тогда всё встало на свои места: Поттер и был главной причиной этой сложной шахматной партии. Дамблдор растил его, закалял, шаг за шагом вел к неизбежному противостоянию с возродившимся врагом. Но Мерлин, до чего же этот щенок походил на своего несносного отца! Тот же мерзкий характер: ночные вылазки, наглые выходки прямо на уроках, заурядные способности, слепая безрассудность и полное отсутствие ума. Из него пытались вылепить борца с величайшим темным магом столетия, а он не имел и сотой доли нужных качеств.

Когда Снейп высказал свои сомнения, Дамблдор лишь мягко возразил, что судьбы Гарри и Реддла сплетены воедино, и если мальчик не окрепнет, то неизбежно погибнет. Директор уверял, что испытания пойдут Поттеру на пользу: сплотят его с друзьями, научат преодолевать страх, покажут истинное лицо опасности и излечат от слепой самоуверенности. К тому же старик клялся, что всё под контролем — ни он сам, ни Снейп не допустят, чтобы жизнь «золотого мальчика» подверглась реальной угрозе.

Препятствия под люком на третьем этаже предназначались не для Квиррелла — они были

выстроены специально под Гарри Поттера. Глупая трехглавая псина, засыпающая при первых звуках музыки; дьявольские силки, которые проходят на первом курсе гербологии; летающие ключи и веник под рукой; шахматная партия, словно созданная для его рыжего приятеля; и, наконец, логическая загадка Снейпа с зельями. Всё это было не полосой препятствий, а тщательно срежиссированным спектаклем. И, разумеется, Мальчик-Который-Выжил покорно сыграл свою роль, встретившись лицом к лицу с паразитом, впустившим в себя душу Волдеморта.

Смертельной опасности действительно не предвиделось. Дух Волдеморта был слишком слаб, чтобы преодолеть древнюю магию крови, защищавшую мальчишку. Жертва Лили создала абсолютный щит, в силу которого Снейп верил свято. Поэтому он, повинаясь воле Дамблдора, держался в тени, выполняя роль безмолвного наблюдателя.

Но вмешался непредвиденный фактор. В тот самый момент, когда Квиррелл тщетно пытался придушить Поттера, а оброненный философский камень откатился в сторону, в подземелье ворвался этот сумасшедший эльфийский отпрыск. И, что еще безумнее, он просто наставил палочку на бесценный артефакт и применил Эванеско. Прекрасно, просто великолепно! Лорд лишился камня, но ярость его перешагнула все мыслимые пределы.

Идиот! Он что, забыл, что учится на Слизерине, а не на Гриффиндоре? Или вообразил, будто его тоже прикрывает чья-то жертвенная любовь?

Снейп невольно стиснул зубы. Воспоминание о том моменте, когда этот безрассудный мальчишка сотворил глупость, до сих пор заставляло его сердце болезненно сжиматься. Когда Квиррелл направил палочку на платинововолосого наглеца, Северуса захлестнул такой ужас, что перехватило дыхание. Казалось, прямо сейчас из его жизни вырвут нечто невероятно важное. Это было удушающее чувство... словно он вновь, беспомощно и необратимо, терял самое дорогое, что у него было.

"Но он ведь не Лили..." — Снейп нахмурился, всматриваясь в черты спящего юноши.

Поначалу странное сочетание холодного равнодушия и затаенной нежности в глазах мальчишки показалось Северусу смутно знакомым, заставив на мгновение поверить в безумную мысль о перерождении Лили. Но пристальное наблюдение быстро развеяло эту иллюзию. Лили была гриффиндоркой до мозга костей. Этот же подросток являл собой рафинированное воплощение Слизерина.

Северус до сих пор помнил смутное предсказание Сивиллы Трэлони. Она твердила о некоем «Т» — близком друге, которого Снейп позабыл, но который когда-то значил для него не меньше, чем Лили. Почему «позабыл»? Его обострившееся чутье сразу подсказало ответ. Кто-то стер его память, да так искусно, что не осталось ни швов, ни рубцов. Подобное тонкое вмешательство — полное стирание человека из чужого разума — было под силу разве что чистокровным эльфам, творящим заклинания на своем древнем наречии. Но что скрывалось за буквой «Т»?

Он пытался выследить таинственного благодетеля, приславшего целебные зелья. Однако отправитель действовал с ювелирной точностью, обходя любые следящие чары так ловко, будто их и не было. Лишь однажды ему удалось перехватить посылку, но доставил её Кровавый Барон. Призрак Слизерина наотрез отказался называть имя, сославшись на нерушимый обет молчания. Пробриться сквозь упрямство привидения было невозможно: Легилименция на бестелесные сущности не действовала. Но Снейп вспомнил слова Дамблдора о том, что замковые призраки, живые портреты и даже капризные лестницы Хогвартса относятся к юному Пан Трэлони Джесасу с благоговейным трепетом. Не он ли подослал Барона? Учитывая его возраст, мальчишка никак не мог быть тем самым «Т». Тогда кем он ему приходился? Сыном? Наследником?

"Неужели это обычная отцовская забота? — Снейп упрямо пытался найти логичное объяснение охватившему его чувству. — Желание оберегать, потакать капризам, убирать за ним камни с дороги... Точно так же, как Люциус возится со своим Драко"

Только этим Снейп мог объяснить собственный безрассудный порыв. В тот момент, когда Поттер сцепился с Квирреллом, а в коридорах уже ощущалось скорое прибытие Дамблдора, Северус поддался эмоциям. Вместо того чтобы доставить раненого эльфа в больничное крыло, он утащил его в свое полузаброшенное убежище. Он просто не хотел, чтобы старик начал копать в разуме этого ребенка. Даже если ради этого пришлось пойти на риск и навлечь на себя подозрения директора.

С дивана донесся тихий стон. Мальчик слабо зашевелился, приходя в себя. Снейп мгновенно подобрался, натягивая привычную холодную маску. Исчезли последние следы странной, почти родительской нежности, скользнувшей во взгляде сурового профессора, — нежности, которую он и сам в себе вряд ли когда-либо признал бы.

Пан чувствовал себя прескверно. Он не ожидал, что после того как Бузинная палочка запечатала его резервы, оставшихся крох магии не хватит даже на то, чтобы преобразовать собственную жизненную силу в боевое заклятие и стереть с лица земли паразитирующего на Квиррелле Волдеморта.

Как назло, магический откат нанес сокрушительный удар по его душе. И без того израненная Бузинной палочкой и не успевшая исцелиться сущность Пана получила новые повреждения. В тот момент, когда Волдеморт обратился в бесплотного призрака, эльфа просто выключила невыносимая боль. Очевидно, что Гарри Поттер задержать дух Лорда не сумел бы, а Дамблдор, тщательно оберегающий свой долгосрочный план, не стал бы жертвовать собой ради уничтожения бестелесной тени. Скорее всего, в школе всё разыгралось по классическому сценарию: героический Мальчик-Который-Выжил победил Квиррелла, Темный Лорд позорно сбежал, а в конце года Гриффиндору накинута сотня две очков, лишив Слизерин заслуженного кубка.

— Надеюсь, ваша голова, работающая хуже, чем у горного тролля, окончательно прояснится прежде, чем отвалится от постоянного покачивания, — раздался тихий, сочащийся ядом голос

Змеиного короля подземелий.

Пан удивленно моргнул, сфокусировав взгляд на сидящем перед ним профессоре, и лишь секундой позже сообразил, где находится. Обстановка унылой комнаты до боли напоминала старый дом Снейпов в самом тупике Прядильщиков.

— Как я здесь оказался? — негромко спросил Пан.

Разве что Снейп сам принес его сюда. Но почему именно в этот дом?

"Неужели к нему вернулись воспоминания?"

— Если вы собираетесь рассыпаться в благодарностях, поберегите дыхание, — сухо отозвался декан Слизерина. — Мне просто не хотелось, чтобы вся школа узнала, какая безрассудная гриффиндорская тварь затесалась в ряды моего факультета.

Снейп, как всегда, выражался витиевато и ядовито, но Пан, в отличие от Поттера, прекрасно понимал подтекст его слов. Профессор сам вытащил его из Коридора третьего этажа справа, причем сделал это незаметно для всех, включая Дамблдора. И, будучи истинным слизеринцем, Северус не собирался устраивать допрос с пристрастием о том, как именно первокурсник сумел обойти адское пламя без зелий. Если Пан решит промолчать, расспросов не последует.

— Всё дело в рунической цепочке, — Пан достал из кармана сложенный листок бумаги, исписанный сложнейшими древними символами.

Этот пергамент служил отличным оправданием: он объяснял и защиту от пламени, и способность оставаться незамеченным для Квиррелла. Разумеется, это была лишь часть правды, но большего Пан говорить не стал. Ему вполне хватало возможности просто посидеть вот так, в тишине, наедине со Снейпом, как в былые времена. Пока пыль не улеглась и судьбы мира не определились, молчание оставалось лучшим щитом для них обоих.

— Великолепно! Похоже, господин Джесас возомнил себя великим мастером древних рун, готовым хоть завтра занять место профессора Бабблинг, — привычно съязвил зельевар. — Однако позволю себе напомнить вам, что вы всего лишь первокурсник. И то, что вам удалось проскочить сквозь огонь, не отменяет того факта, что вы сознательно лезли в петлю. Дабы уберечь вас от дальнейших посягательств на репутацию Слизерина...

— Профессор... — Пан напустил на себя максимально кроткий, несчастный вид.

Он отлично знал сложный, колючий характер Снейпа. Спорить с ним или оправдываться — чистой воды самоубийство, а вот сиротская мина порой творила чудеса.

— Если вы снимете еще хоть один балл, кубок точно достанется Гриффиндору. К тому же мы

сейчас не в Хогвартсе. И вы... вы могли бы звать меня просто Паном.

— О, премного благодарен. Спасибо за своевременную подсказку, студент Пан, — съязвил Снейп.

По крайней мере, он назвал его по имени, пусть и со своей фирменной издевкой.

— В таком случае вас ждет отработка. Начиная с этого момента и до самого конца следующего учебного года. Полагаю, целых двенадцать месяцев чистки котлов помогут вам стать чуточку благоразумнее.

— Но как же летние каникулы? — Пан растерялся. Летом у него были дела поважнее: его ждал Черный лес Албании.

— Значит, отработаете долг до начала каникул и продолжите сразу по возвращении в замок. Жду вас в моем кабинете каждый вечер в восемь часов. Без опозданий.

— Хорошо... — Пан уныло вздохнул, мысленно прощаясь с планами на свободные ночные прогулки в следующем семестре. — Я буду вовремя, профессор.

— А теперь, если ваши ноги еще способны передвигаться и не служат исключительно украшением вашего тела, — Снейп резко распахнул входную дверь и шагнул на темную улицу, — потрудитесь следовать за мной обратно в школу.

Пан тихонько вздохнул и поспешил следом. Ну вот, опять «господин Джесас»...

Вечером того же дня в Большом зале состоялся праздничный пир по случаю окончания учебного года. Пан занял свое привычное место рядом с Драко. Оба мальчика при виде друг друга заметно расслабились, но расспросами донимать не стали — слизеринская деликатность взяла верх.

Зал сверкал изумрудно-зелеными и серебряными знаменами Слизерина — их факультет уже седьмой год подряд забирал заветный кубок. Впрочем, ни Пана, ни Драко эта суeta вокруг школьных наград особо не волновала.

Появление Гарри Поттера заставило притихнуть даже самые шумные компании. Переступив порог, гриффиндорец первым же делом попытался отыскать взглядом своего недавнего соратника. Он нашел Пана, и тот действительно смотрел на него — но в его точно таких же зеленых глазах не было ни намека на теплоту или заговорщический дух, он смотрел с отстраненной вежливостью. Растерявшись, Поттер поспешил отвести взгляд и быстро проскользнул к своему столу, устроившись между Ронном и Гермионой. В этот же момент за

преподавательским столом поднялся Дамблдор.

Гул голосов сошел на нет. Директор тепло поприветствовал учеников, подвел итоги года и, как и ожидалось, принялся щедро раздавать баллы. Однако триумфа Гриффиндора не случилось. Из-за ничьей в основном чемпионате по квиддичу и блестящей победы Драко в дополнительном матче, принесшей Слизерину целых сто двадцать очков, даже широкие жесты Дамблдора, накинувшего гриффиндорцам в общей сложности две сотни баллов, не смогли перевесить чашу весов. Факультеты набрали абсолютно равное количество очков. Директор загадочно посмотрел на Пана, а затем негромко хлопнул в ладоши. Изумрудные полотнища над столами полыхнули магией, разделяясь пополам: половина зала осталась зеленой, а вторая окрасилась в ярко-алый цвет. Выглядело это компромиссное решение невероятно натянуто, погрузив Большой зал в атмосферу неловкого молчания.

Наверное, даже спустя много лет очевидцы этого праздника будут со смехом вспоминать тот странный двухцветный вечер. Впрочем, Гарри Поттер нашел такой исход просто великолепным, в то время как Драко пребывал в глубоком унынии, считая этот день худшим в своей жизни.

Сразу после пира на доске объявлений вывесили результаты экзаменов. Гарри и Рон, к огромному удивлению всей школы, умудрились получить весьма приличные оценки, а вот Гермиона Грейнджер неожиданно для себя лишилась звания лучшей ученицы курса.

Вершину рейтинга уверенно занял слизеринец Пан Джесас. Его итоговые баллы граничили со стопроцентным максимумом — единственную оплошность он допустил на теории зельеварения, потеряв досадные два очка. Увидев такую ведомость, даже Гермиона, при всей ее амбициозности, признала поражение.

Третье место, дыша Грейнджер в затылок, занял Драко Малфой. Гарри, глядя на триумф соперника, испытывал весьма смешанные чувства. От Гермионы он уже знал, что Драко, увидев, как Поттер скрылся за завесой черного пламени, наотрез отказался возвращаться назад. Малфой упрямо остался ждать в запертой комнате, не сводя глаз с полыхающей преграды, пока в подземелье не спустились преподаватели. Гарри понимал: Драко безумно переживал за Пана. Это открытие заставило гриффиндорца впервые задуматься о том, что холодные слизеринцы способны на искреннюю преданность. Возможно, Гермиона была права, когда говорила, что на Слизерине учатся далеко не одни лишь злодеи.

Как бы то ни было, первый год обучения подошел к концу. Яркий, шумный и полный невероятных открытий семестр остался позади.

— Хороших каникул!

— Веселого лета!